

Виктория Донован

«Идя назад, шагаем вперед»: краеведческие музеи и создание местной памяти в Северо-Западном регионе. 1956–1981¹

В брошюре о туризме и краеведении, опубликованной в 1974 г., И.С. Юньев описывает, как туристический опыт может подпитывать любовь к родине, превращая обычных советских граждан в страстных краеведов²: «Туризм, с какой бы целью он ни проводился (отдых, спорт, любознательность и т.д.), неизбежно увлекает путешественников краеведением; одних — в меньшей мере, других — настолько глубоко, что многие становятся заядлыми краеведами, деятельно изучающими облюбованный ими край» [Юньев 1974: 11–12]. Мысль о том, что краеведение является общедоступной исследовательской областью, что при соответствующем складе ума каждый может приобрести статус краеведа, указывает на логику, лежавшую в основе краеведческого возрождения послесталинской эпохи. Не будучи занятием для эрудитов, как это понималось в дореволюционное время, краеведение в хрущевскую и брежневскую эпохи должно было стать массовой деятельностью граждан, институционализированной формой культурной работы, обладавшей

Виктория Донован
(Victoria Donovan)

Оксфордский университет,
Великобритания
donovanvictoria@googlemail.com

¹ Цитата в заглавии принадлежит А.И. Герцену и приведена в брошюре 1974 г. о роли краеведения и туризма в советском обществе [Юньев 1974: 11].

² Согласно Большой советской энциклопедии, краеведение — это «всестороннее изучение определенной части страны, города или деревни, др. поселений местным населением, для которого эта территория считается родным краем» <<http://bse.sci-lib.com/article065588.html>>.

в рамках советского общества обучающей функцией. Власти полагали, что каждый человек — рабочий и крестьянин, ребенок и пенсионер, интеллеktуал и художник — должен включиться в конструирование местной памяти. Приобретая знания о своем крае и любовь к нему, советские граждане должны были более активно включаться в строительство социализма, воспринимая самих себя в качестве неотъемлемой части героического прошлого, настоящего и утопического будущего нации.

Ученые истолковывали послесталинскую реабилитацию краеведения как отражение патриотического поворота в позднесоветской культуре. Популярность, которую приобрело краеведение в Советском Союзе 1960-х гг., связана с ростом культурного консерватизма российского общества, распространенной нетерпимостью к стандартизирующему влиянию советской модернизации, а также со стремлением укрыться в местной истории и местном культурном наследии [Johnson 2006: 176; Hosking 2006: 338–372; Dunlop 1983: 130]. Несмотря на то что данная интерпретация верно описывает процессы, протекавшие в таких культурных центрах, как Ленинград и Москва, она ошибочно представляет события в российских регионах, где чувство местного своеобразия часто оказывалось менее выраженным. Во многих маленьких российских городах возрождение интереса к местному прошлому стало результатом «омассовления» краеведения, поддерживавшейся государством регенерации местной памяти, целью чего было укрепление советского патриотизма. В статье я рассматриваю один из аспектов этого процесса: создание региональных краеведческих музеев, в которых местным сообществом вырабатывались и экспонировались представления о местных истории и культуре. Я полагаю, что эти представления вписывали политические приоритеты советского режима в изображения событий местного прошлого, обнаруживая напряжение между ретроспективной, консервативной природой краеведения и трансформационной логикой модернизационного социалистического государства.

Я анализирую ситуацию на российском Северо-Западе и прежде всего в средневековых городах — Новгороде, Пскове и Вологде. Не будучи репрезентативными примерами того, какие культурные процессы протекали в послесталинской России, эти города имели специфические исторические ассоциации в русской культуре, которые подчеркивались, переистолковывались, не замечались или ставились под сомнение в соответствии с представлениями о национальной истории, одобряемыми советским государством.

Легенда о демократической новгородской республике, миф о военном сопротивлении Пскова, предание о Вологде как о самом сердце русской культуры давали материал, на основе которого формировались патриотические взгляды на местную культуру. В то же время места локальной памяти должны были соответствовать основным догматам послесталинской идеологии: преобразующая модернизация, улучшение материального благосостояния советского народа, а также демократический характер правления становились в результате важными темами в любом разговоре о местной реальности.

Настоящая статья начинается с обзора эволюции краеведения и истории подавления краеведческой традиции в раннесоветские годы, после чего я перейду к политическим импульсам, давшим толчок реабилитации данной дисциплины в послесталинский период. Статья анализирует проблемы, с которыми сталкивались местные музеи вследствие возрождения краеведения, стратегии, принятые для устранения логических противоречий, а также практические препятствия, которые возникали благодаря этому сдвигу. Наконец, я попытаюсь дать оценку социальному воздействию этого возрождения, сосредоточившись, в частности, на возникновении патриотического дискурса среди посетителей краеведческих музеев. Я полагаю, что подъем интереса к местному прошлому способствовал возникновению общественных вызовов, брошенных принятым историческим нарративам и выражениям патриотизма — вызовов, которые значительно отличались от консервативного и презентистского понимания местной идентичности в официальном дискурсе.

Краеведение: исторический фон

В раннесоветский период краеведческая деятельность объединялась вокруг Центрального бюро краеведения (ЦБК), организации, находившейся под контролем Народного комиссариата просвещения и созданной в качестве реакции на неустойчивый характер культурных институций русской провинции¹. Бюро являлось институцией, обладавшей миссионерским характером, и считало своей задачей организацию и координацию краеведческой работы в российских регионах. ЦБК находилось в центре руководимого из столицы процесса культурной трансформации, выпускало инструкции по сохранению культурного наследия и использованию местных ресур-

¹ Представленный исторический очерк основан в значительной степени на работе Эмили Джонсон, проследившей эволюцию краеведения в России и, в частности, в Петербурге с конца XIX в. до хрущевской эпохи [Johnson 2006: 157–176].

сов, которые реализовывались местными администрациями. Такой вертикальный подход к региональному культурному развитию был типичным для советской культурной политики этого времени. Советский «кинопоезд», например, возил кинопропаганду в российские регионы в 1920-х и 1930-х гг. для укрепления национального сознания на периферии (в данном случае показывая в регионах фильмы об этих регионах) [Widdis 2003: 44]. Таким образом, краеведение стало частью стратегии по вовлечению региональных сообществ в социалистическое строительство, когда этим сообществам объясняли их роль необходимого винтика в большом механизме коммунистического государства.

Быстрый рост краеведческого движения в послереволюционную эпоху указывал на уровень официальной заинтересованности в приобретении знаний о российских регионах, в частности этнографической и географической информации о территории Советского Союза. Между 1918 и 1923 гг. в Советской России было создано 270 новых музеев, из которых 193 были краеведческими [Widdis 2003: 100]. К 1927 г. эта цифра выросла до 576, в то время как список краеведческих обществ и клубов увеличился с 231 в 1923 г. до 1112 в 1927 г. [Мельникова 2011]. В движении принимали участие такие партийные лидеры, как Надежда Крупская, Анатолий Луначарский и Михаил Калинин, а сфера его деятельности охватывала этнологию, географию, историю искусства и геологию. Вероятно, быстрый рост полунезависимого движения, многие представители которого поддерживали умеренную форму региональной независимости, пробудил подозрительность центральных властей в эпоху политической централизации. Как отметила Эмили Джонсон, «вырванные из своей относительной изоляции, превращенные в реальное сообщество, местные краеведы становились более эффективными работниками, однако при этом они могли стать основанием для подозрений автономной власти» [Johnson 2006: 175].

С конца 1920-х гг. деятельность движения постепенно ставилась под контроль центральной власти. В 1927 г. решением СНК РСФСР региональные ответвления движения были подчинены центральному Народному комиссариату просвещения, а административный центр перенесен из Ленинграда в Москву. В соответствии с первым пятилетним планом, поставившим культурную политику на службу государственной промышленности, краеведение было переосмыслено как деятельность, которая должна была напрямую способствовать улучшениям в сфере экономики. Если кто-то, как полагали, отклонялся от решения этой задачи и продолжал предаваться тому, что к этому времени стало пониматься как «буржуазный»

пассеизм, он объявлялся врагом народа и арестовывался¹. По мере того как краеведение превращалось в часть государственного аппарата, нацеленную на выполнение планов и идеологическую работу с населением, интерес широкой публики к краеведению угасал. К 1934 г. 95 % краеведческой работы состояло в исследовании полезных минералов, а к середине 1930-х гг. дисциплина абсолютно утратила свою значимость для советского общества [Johnson 2006: 176].

Политика краеведческого возрождения

Реабилитация краеведения в послесталинскую эпоху отчасти явилась следствием ретроспективного поворота в советской культуре этого времени. В конце 1950-х и в 1960-е гг. в советском обществе получили распространение взгляды консервативных в культурном отношении интеллектуалов, чьи публикации, посвященные сохранению национальных традиций, появлялись в популярных литературных журналах, таких как «Молодая гвардия» и «Наш современник» [Brudny 1998: 57–94; Hosking 2006: 338–372]. Среди наиболее громких критиков «прекрасного нового мира» социалистической современности был поэт и писатель Владимир Солоухин. В своих «Письмах из Русского музея», опубликованных впервые в «Молодой гвардии» в 1966 г., Солоухин выступил против пошлых современных вкусов, в числе прочего — современного искусства (modern art), современной мебели и электронной музыки, которые он противопоставил простоте подлинной русской культуры и искусства [Солоухин 1972: 155–159]. Двигаясь вперед слишком быстро и напористо, полагали Солоухин и другие патриотически настроенные писатели, советская культура утратила контакт с национальными корнями, что стало угрожать нравственному благополучию русского народа.

Краеведение рассматривалось патриотической элитой как средство борьбы с культурным дефицитом в советском обществе, стимулирующее гордость по поводу национальных традиций и способствующее росту знаний о культурных истоках русского народа. Например, в статье о сохранении культурного наследия, опубликованной в 1961 г., литературовед-медиевист Дмитрий Лихачев высоко оценивал деятельность группы тихвинских школьников, собиравших предметы для экспонирования в местном краеведческом музее, который пришел на смену институции, подвергшейся репрессиям в 1930-е гг. [Лихачев 1961: 10]. Лихачев выстраивал прямую связь между гордостью местной историей и любовью к советской отчизне:

¹ Во время чисток 1930–1931 гг. среди арестованных членов Ленинградского бюро были Д.О. Святский и Иван Гревс [Johnson 2006: 176].

«Любовь к своей Родине — это не нечто отвлеченное, это и любовь к своему городу, к своей местности, к памятникам ее культуры, гордость своей историей» [Лихачев 1961: 10]. Для того чтобы гарантировать высокий уровень патриотизма у следующего поколения советских людей, считал Лихачев, необходимо вовлечь их в конструирование и потребление местной памяти.

Как и в прошлом, подобный ход мысли сталкивался с проблемой особой природы краеведения как дисциплины. Несмотря на то что целый ряд «неисправимых» краеведов — по большей части историков, реставраторов, архитекторов и художников — активно занимался сохранением культурного наследия в регионах, многие местные жители ничего не знали об их аргументации и практиках сохранения исторического прошлого. После XXII партийного съезда, состоявшегося в 1961 г., партия стала играть более активную роль в определении задач краеведения и тех средств, которыми эти задачи могли быть решены. Влияние организованного государством возрождения местной памяти чувствовалось в особенности в маленьких российских городах, где культурные институции, которые должны были способствовать краеведческой деятельности, например клубы, общества и музеи, представляли важные новые пространства социализации и обучения для местных сообществ¹.

Тем не менее знание местной истории и культуры понималось как средство для достижения цели — строительства социализма. На шестом съезде Научно-методического совета по работе музеев Министерства культуры СССР в 1965 г. в качестве основных тем в работе краеведческих музеев были определены направляющая роль партии в советском обществе, братская дружба советских народов и эволюция советской демократии [ГАВО. Ф. 4795. Оп. 6. Д. 108. Л. 73]. Те же самые политические приоритеты должны были вдохновлять изучение местной истории и культуры в советских школах. Как было пояснено в письме замминистра просвещения М. Кашина и замминистра культуры В. Стриганова к главам местных культурных институций, краеведческая деятельность должна помогать идеологической работе, которая уже проводится в школах и высших учебных заведениях по всей стране [НГОМ. Оп. 1. Д. 410. Л. 24]. Отнюдь не подогревая региональный партикуляризм, поощрение знаний о местной истории и культуре должно было подчеркнуть, что в послесталинский период в стране происходят фундаментальные сдвиги в *общенациональной* политике — от

¹ В Новгородской области, например, краеведческие музеи были открыты на Валдае в 1961 г., в Старой Руссе в 1967 г. и в Боровичах в 1971 г., в то время как в Псковской области межрегиональные краеведческие музеи были созданы в Великих Луках, Себеже, Порхове и Печорах в 1965 г. [НГОМ. Оп. 1. Историческая справка; ГАПО. Ф. Р-1855. Оп. 1. Д. 247. Л. 143].

личной диктатуры к коллективному руководству, от великорусского шовинизма к ленинскому интернационализму [НГОМ. Оп. 1. Д. 410. Л. 25].

Как же абстрактные политические цели постсоветской эпохи были превращены в стратегии экспонирования местной истории? Как выставки, посвященные региональному прошлому и его материальной культуре, должны были утверждать современные ценности коллективного руководства, демократии и строительства социализма? Наиболее поразительной тенденцией выставочных стратегий послесталинской эпохи стала так называемая «демократизация» содержания и подачи музейных экспозиций¹. В соответствии с ее логикой малопонятные отсылки и абстрактное теоретизирование должны были быть заменены доступными и привлекательными представлениями о местной и национальной культуре. Этот сдвиг в расстановке акцентов проявлялся наиболее очевидным образом в официальной поддержке региональной географии в позднесоветский период. От музеев требовали сфокусироваться не на обобщенном образе советского народа, а на этнографической реальности региона, дать местным сообществам идеализированные представления об их истории и культуре [НГОМ. Оп. 1. Д. 380. Л. 27]. Если, как полагали политики, местные сообщества могут узнать себя и свой регион в музейных экспозициях, они будут более восприимчивы к идеологии и политическим приоритетам советского государства [НГОМ. Оп. 1. Д. 410. Л. 24].

Рис. 1. Пенсионерка демонстрирует группе пионеров в краеведческом музее колхоза «Искра» Новгородской области, как работать на ткацком станке. 1977 г.

¹ Более общий разговор о реабилитации понятия «демократизация» в советском обществе и во время политических кампаний по проведению демократизации в жизнь в послесталинский период см.: [Lovell 2010: 44–45].

Рис. 2. В краеведческом музее колхоза «Искра» экскурсовод рассказывает о дореволюционной жизни крестьян Поозерья. 1977 г.

«Демократизация» в эту эпоху стала ведущим принципом реорганизации музеев архитектурных памятников, или *заповедников*¹. «Демократизация» в эту эпоху стала ведущим принципом реорганизации музеев архитектурных памятников, или заповедников. В послесталинский период церкви Киевской Руси с их строгими формами и лаконичным орнаментом считались архитектурным воплощением антиэлитистских принципов правящего режима. Так, в путеводителе по архитектурным памятникам Вологды местные историки настаивали на том, что в вологодском архитектурном стиле нет ничего показного или снобистского, что его «простые, а порой и примитивные образы насколько конкретны и настолько демократичны, что воспринимаются как порождение живой народной фантазии» Бочаров, Выгоднов 1969: 6. Как и локальные этнографические выставки, такие экскурсии ставили цель, чтобы люди воспринимали культовую архитектуру как интимное выражение своей культуры и истории, а не как далекие, дистанцированные объекты благоговения и почитания.

Превращение архитектурных памятников и, в частности, древнерусских церквей в музейные экспозиции, которые должны

¹ Музеи-заповедники, архитектурные музеи, включающие ценные архитектурные объекты, сохраняемые в историческом ландшафте, начали функционировать как пространство нового исторического туризма в послесталинскую эпоху. Кострома, Новгород, Нижний Новгород, а также Ярославль и Ростов первыми приобрели статус заповедников указом Совмина РСФСР в 1958–1959 гг. [Smith 2010].

были укреплять ценности послесталинского режима, требовало какой-то инновационной реконтекстуализации. Так, отчет 1962 г. о работе Новгородского музея содержит детальные планы, нацеленные на то, чтобы представить Софийский собор, главное архитектурное украшение города, не только как исключительный образец средневековой архитектуры, но и как уникальное произведение русского искусства и памятник социальной и политической истории Новгорода НГОМ. Оп. 1. Д. 429. Л. 5. Обращая внимание на то, что собор играл роль центра демократической жизни средневекового Новгорода, коллектив музея надеялся подчеркнуть его значимость для современных политических процессов, протекавших в стране. Как сформулировал один из сотрудников музея, «это намного обогатит идейное содержание памятника, сделает его более понятным и доходчивым до рядового посетителя» НГОМ. Оп. 1. Д. 429. Л. 5.

Другим важным акцентом в работе краеведческих музеев стало представление о непрерывности между русским прошлым и советским настоящим. Социалистический режим был представлен не только возведенным на традициях прошлого, но и впитавшим и увековечившим эти традиции. Эта идея, в частности, лежала в основе организации выставок традиционных искусств и ремесел. Например, в отчете о выставке вологодских кружев особо подчеркивалось, как в советском контексте практики плетения кружев сохранялись и обогащались «современным художественным языком» ВОКМ. Оп. 1. Д. 849. Л. 5. Можно предположить, что акцент на культурной непрерывности и национальных традициях проистекал из необходимости утвердить легитимность и культурную значимость политического режима, возникшего после социальных и идеологических потрясений начала 1950-х гг. Выстраивая непрерывающиеся связи между отдаленным прошлым и советским настоящим, власти подчеркивали спонтанный характер процессов общественной эволюции и политических преобразований, происходивших во второй половине XX в.

Практические проблемы краеведческого возрождения: проблемы концептуализации

Вписывание идеологических приоритетов современного политического режима в экспозиции, посвященные местным истории и культуре, ставило целый ряд конкретных проблем. Наиболее очевидной из них являлся дефицит предметов из музейных коллекций, которые эффективно репрезентировали такие абстрактные представления, как демократизация, социальная солидарность и необратимый процесс социалистического

строительства. Данную проблему усугублял тот факт, что на протяжении всех 1960-х гг. большое количество новых краеведческих музеев открывалось не только в региональных центрах, но и в провинциальных маленьких городах, насчитывавших не более нескольких тысяч жителей¹. Музейные коллективы были обязаны тщательно обследовать свои регионы в поисках «коммуникативных» объектов, которые можно было бы включить в новые выставки, посвященные местной культуре, с тем чтобы обогатить словарный состав возникающего языка местных предметов².

Например, в Вологодской области в 1961 г. музейные сотрудники посещали производства и культурные институции Вытегорского района. Они собирали предметы, которые отражали экономическое и социальное развитие региона за предшествующие годы: разрезанную ленточку и ножницы с открытия Вытегорской гидроэлектростанции, спецодежду рабочего, список соцобязательств с Вологодской льняной фабрики [ВОКМ. Оп. 1. Д. 403. Л. 2]. В то же время музейщики посещали деревни и колхозы, где приобретали предметы народных искусств и ремесел, такие как декорированные прялки, ткацкие станки, сундуки и резные солонки [НГОМ. Оп. 1. Д. 429. Л. 17]. Отбирая объекты, которые могли бы стать носителями политической семантики, музейщики не забывали и о своей обязанности приобретать для создания музейных экспозиций экспонаты, обладавшие особой художественной и этнографической значимостью для региона³. Несомненной представляется известная преемственность по отношению к работе краеведов 1920-х гг., пытавшихся конфисковать и сохранять объекты национального наследия во время потрясений Гражданской войны [Johnson 2006: 175].

Дефицитностью были отмечены не только музейные экспозиции. Многие из вновь созданных музеев сталкивались с проблемами поиска квалифицированных сотрудников, которые могли бы работать в качестве организаторов выставок и экскурсоводов. На конференции научных сотрудников музеев РСФСР, состоявшейся в Новгороде в 1960 г., особое внимание

¹ О краеведческих музеях Новгородской и Псковской областей, созданных между 1961 и 1971 гг., см. прим. 1 на с. 384.

² Сотрудники Псковского государственного музея посетили в 1962 г. Пушкиногорск, Печоры, Порхов и Остров в поисках музейных экспонатов, а работники краеведческого музея Новгорода с той же целью проводили экспедиции в Окулове, Горах, Кузнеце и Боровичах в 1960-х гг. [ГАПО. Ф. Р-1855. Оп. 1. Д. 164. Л. 50; НГОМ. Оп. 2. Д. 318; Д. 814; Д. 954].

³ Музейные сотрудники особенно стремились приобретать иконы из местных деревень, многие из которых в эту эпоху покупались частными коллекционерами или забирались музейными работниками их Ленинграда и Москвы. См. отчеты об этнографических экспедициях в Новгородскую область 1968 г.: [НГОМ. Д. 814 н.а. Л. 10–11].

уделялось необходимости создавать новые «кадры». Как отметил один из участников дискуссии, новое поколение экскурсоводов должно быть не «разговорными машинами», а профессиональными, осведомленными людьми [НГОМ. Оп. 1. Д. 380. Л. 47]. Для решения этой задачи были созданы подготовительные курсы, на которых новые сотрудники изучали марксистско-ленинскую теорию, методику музейной работы, историю своего региона и его исторические памятники [НГОМ. Оп. 1. Д. 407. Л. 6]. Обучение вновь пришедших в профессию знаниям о местной истории и культуре оказалось эффективным. В книгах отзывов посетители нередко хвалили экскурсоводов за их «глубокую любовь» к своему региону и «патриотизм», с которым те говорили о своем предмете [ГАНУ. Ф. Р-4063. Оп. 2-10. Д. 140а. Л. 2, 3, 9].

Еще одной проблемой, с которой сталкивались музейные коллективы, стало выстраивание баланса между позитивной оценкой идей прогресса и современности, с одной стороны, и прославлением народной культуры, существование которой зависело от традиционных способов производства и стиля жизни, — с другой. Некоторые музеи обходили эту проблему, отделяя народную культуру от ее традиционного контекста, позитивно оценивая первую и критикуя при этом второй. Крестьянские техники живописи, ткачества, создания детских игрушек являлись объектами щедрых похвал в музейных экспозициях Северо-Запада, в то время как деревенские бытовые условия, в которых возникли традиционные искусства и ремесла, осуждались как бесчеловечные и отсталые. Пояснения, которыми сопровождалась выставка «Вологодская губерния XII—XX вв.», проходившая в 1963 г. в Вологодском государственном музее, демонстрируют стоящее за ними напряжение в трактовке местной народной культуры. Несмотря на то что такие традиции, как плетение кружев или подготовка приданого для невесты, не подвергались жесткой идеологической критике (единственное негативное замечание в пояснениях к выставке касалось «душных мастерских», в которых работали кружевницы [ВОКМ. Оп. 1. Д. 491. Л. 50]), пояснительный текст, сопровождавший реконструкцию внутреннего убранства крестьянской избы, полон идеологического раздражения:

Грязный немощный двор делается все грязнее и наконец превращается в вонючее непролазное болото, столь же вредное для человека, как и для животных. В избе грязь, пол в дырах, старая лачуга расшаталась и разлетается. Наконец, является жалкая изба, на которой не только нет ни резьбы, ни украшений, но к жалким трехвершковым окнам хозяин не в состоянии приделать даже карнизов. Вот что представляют жилища крестьян-бедняков в Вологодской губернии [ВОКМ. Оп. 1. Д. 491. Л. 21].

В пояснительном тексте противоречие между трактовками крестьянской жизни и народных традиций разрешается указанием на то, что народным искусствам и ремеслам угрожала организация труда в капиталистических обществах. Отсутствие декоративной резьбы или восходящих к народной культуре деталей в убранстве избы объяснялось тем, что хозяин был «не в состоянии» сделать их, иными словами, его творческий дух был раздавлен капиталистической эксплуатацией. Если довести этот ход рассуждения до логического конца, народные традиции оказались в благоприятных условиях только в ситуации экономического и социального равенства, то есть в эгалитарных обществах, таких как Советский Союз.

В брежневскую эпоху противоречие между высокой оценкой крестьянских традиций и апологией современной городской жизни стало менее значимым. В соответствии с растущим интересом советской этнографии музеи обратили свое внимание на описание традиционного образа жизни в деревне. Экспедиции в русские деревни превращались из собирания характерных для данной местности экспонатов в этнографические исследования, посвященные изучению крестьянской жизни. Отчеты, составлявшиеся музейщиками во время этих экспедиций, скрупулезно описывают местные особенности и планировку крестьянских домов, занятия жителей, формы социальной организации, а также диалектные особенности данного региона. Отнюдь не осуждая деревянные избы как негигиеничные и вызывающие сочувствие, музейные работники из Новгорода подробно описывают деревенские дома в Горнешно и Перевозе (Вологодская область) как объекты, обладающие огромной культурной ценностью [НГОМ. Оп. 1. Д. 814 н.а. Л. 5–6].

Тем не менее, как отмечает Татьяна Щепанская, этнографические исследования в эту эпоху по-прежнему строились с учетом идеологических факторов. Советские этнографы были обязаны работать в четких идеологических рамках, изобретательно перетолковывая свои исследования, с тем чтобы соответствовать официозным целям [Щепанская 2009: 163]. Тенденция к автоцензуре в этнографической работе заметна как на местном уровне, так и на общенациональном. В конце 1960-х гг. музейщики собрали значительный материал, посвященный этническим меньшинствам в русских регионах, таким как карельское сообщество в Окуловском районе (Новгородская область) и поселение эстонцев, переселившихся в Новгородский регион в поисках свободных земель еще до столыпинских реформ, рядом с деревней Дьячино [НГОМ. Оп. 1. Д. 318 н.а. Л. 16–20]. Тем не менее, хотя национальные меньшинства новгородского и псковского регионов считались под-

ходящей исследовательской темой для музеев тех советских республик, в которых они считались титульными нациями, эта тема отчетливо рассматривалась как нежелательная для выставок в местных исторических музеях [НГОМ. Оп. 1. Д. 318 н.а. Л. 16]. Материалы и предметы, собранные во время экспедиций, так и не были включены в экспозиции Новгородского государственного музея, несмотря на то что обладали значимостью для настоящего.

На протяжении всей брежневской эпохи краеведческие музеи Северо-Запада в своих выставках, посвященных «народной» культуре, все больше и больше делали акцент на «русском» наследии. Типичные выставки этой эпохи — «Северные прялки» в Вологде в 1970 г., где были представлены разрисованные прялки, резьба по дереву, народная скульптура и другие предметы прикладного искусства [ВОКМ. Оп. 1. Д. 678. Л. 70]; «Народное творчество» в Новгороде в 1967 г., включавшая одежду, ткани, домашнюю и сельскохозяйственную утварь этнических русских [НГОМ. Оп. 2. Д. 789]; «Вологодское кружево» (1977), выставка кружевного мастерства XIX и XX вв. [ВОКМ. Оп. 1. Д. 863]; «Вологодский национальный костюм» (1979), выставка одежды этнических русских в Вологде [ВОКМ. Оп. 1. Д. 998]. На местных фольклорных фестивалях столь же исключительный подход был принят для экспонирования этнических искусств и ремесел. Так, на фольклорном фестивале в музее «Витославицы» в Новгороде в 1977 г. после показов, устроенных специалистами по русским народным искусствам и ремеслам, выступали русские фольклорные ансамбли из разных районов области, при этом в экспозициях, посвященных материальной культуре, места для этнических меньшинств данного региона отведено не было [НГОМ. Оп. 2. Д. 952. Л. 1].

Важным средством вписывания представлений о традиции в дискурс, насыщенный отсылками к прогрессу и современности, стала периодизация настоящего, или создание советских традиций и ритуалов. На всем протяжении хрущевской и брежневской эпох социалистическое государство пыталось создать корпус празднеств, церемоний и практик, призванных воплощать советскую культурную традицию¹. Количество этих празднеств кажется не особенно значительным по сравнению с их способностью мобилизовать местные сообщества на демонстрацию советской идентичности. В 1965 г. псковские чи-

¹ «Советские традиции» охватывали как светские ритуалы вроде комсомольской свадьбы, которые должны были заменить то, что считалось анахроничными дореволюционными практиками, так и создание совершенно новых обычаев и норм социализации вроде праздничного потребления «Советского шампанского» [Абашин 2011; Богданов 2012].

новники, занимавшиеся культурной политикой, сообщали, что целый ряд местных празднеств, включавший праздник «Весны и Труда» и «Дни животновода», которые были инициированы в предыдущие годы, теперь стал «традиционным» [ГАПО. Ф. Р-1855. Оп. 1. Д. 247. Л. 110]. Эти советские ритуалы нередко включали важные элементы тех фольклорных традиций, которые они должны были сменить. Например, советские свадебные ритуалы, совершавшиеся коллективом Молодецкого колхоза в Стругокрасненском районе Псковской области, включали женское хоровое пение русских свадебных песен, обмен кольцами, приветствие молодых хлебом и солью колхозниками старшего поколения [ГАПО. Ф. Р-1855. Оп. 1. Д. 247. Л. 118]. Подчеркивая «изобретенность» традиции, гибкий характер народного ритуала и значимость контекстуализации, власти смогли сгладить противоречие между возрождением традиций и дискурсом трансформирующей модернизации, стоявшей в центре советской идеологии.

Следующая цитата, взятая из статьи, опубликованной в «Псковской правде» в 1960 г. и посвященной выставке местных промышленных достижений, иллюстрирует то, как изображались советские традиции в музейном контексте:

Экскурсанты с гордостью осматривали стенд, где представлена нынешняя продукция их предприятия — самые различные электродвигатели, электромагниты, преобразователи тока.

— Сейчас завод осваивает новые машины серии «II», — сказала Валя Гостева.

Девушка с увлечением говорила о новых машинах, когда кто-то из подруг подозвал ее к соседнему снимку:

— Смотри-ка, ты тоже в музее!

Валя умолкла, взглянула на снимок. Да, на фото была она. Фотограф снял ее за сборкой экспортного электромагнита.

— Выходит, в историю попала, — улыбнувшись, пошутила подруга.

Валя смутилась. Но в шутке подруги была большая доля правды. Ведь она, Валя Гостева, и десятки ее товарищей по цеху являются наследниками славного прошлого завода, традиций старшего поколения, своими руками творят, продолжают историю бывшего «Металлиста» — ныне крупного электромашиностроительного предприятия [Голузов 1961: 4].

В финале («Ведь она, Валя Гостева...») логика, лежавшая в основе возрождения традиций в целом и «изобретения» советских традиций в частности, становится эксплицитной. Ретроспективный поворот местной и общенациональной культур был направлен на то, чтобы поднять уровень коллективного сознания и рассказать населению о значимости его собствен-

ного вклада в реализацию социалистического проекта. Валя Гостева являлась не просто рабочей, стоявшей у конвейера советской фабрики, но неотъемлемым участником строительства социализма, знаменосцем традиций своих социалистических предшественников.

Практические проблемы краеведческого возрождения: проблемы интерпретации

Трудно оценить, насколько усилия музейщиков и школьных учителей привели к успехам в деле укрепления местного и национального самосознания. Повторение ключевых дат и упоминание персонажей местной истории отстраненным экскурсоводом могло способствовать тому, что безразличие сменялось любопытством, хотя необходимость посещать «образовательные» школьные экскурсии в середине летних каникул должна была вызывать протест не у одного ученика. Тем не менее, даже если пропаганде региональной культуры не удалось породить армию местных патриотов, значимость местной памяти признавалась многими обитателями маленьких русских городов. От года основания города до дат местных битв, биографий героев местной истории выстраивался общий корпус знаний, который служил упрочению границ сообщества через коллективное понимание прошлого и его роли в современной жизни.

На протяжении 1960-х и 1970-х гг. число посетителей местных музеев росло. В Новгородском государственном областном музее между 1940 и 1961 гг. посещаемость выросла на 58 000 человек (с 82 000 до 140 000 человек в год), между 1961 и 1966 гг. — более чем на 100 000 (до 240 000 в 1966 г.) и в среднем увеличивалось на 70 000 посетителей в год в течение следующих двадцати лет (достигнув в 1986 г. цифры 1 628 271) [НГОМ, историческая справка; Оп. 1. Д. 407. Л. 19; Оп. 2. Д. 602. Л. 15; Оп. 3. Д. 1404. Л. 1]. Несмотря на то что Новгород представлял собой в этом отношении исключение, учитывая его привилегированный статус *музея-заповедника*, сходные процессы заметны и в менее значимых регионах, таких как Псков и Вологда. Число посетителей Псковского государственного музея истории, искусства и архитектуры выросло в пять раз между 1962 и 1970 гг. (с 57 508 до 307 000 человек), в то время как число посетителей Вологодского областного краеведческого музея росло медленнее, хотя и столь же неуклонно со 144 627 человек в год в 1961 г. до 401 885 в 1975 г. [ГАПО. Ф. Р-1855. Оп. 1. Д. 164. Л. 57; Д. 517. Л. 1; ВОКМ. Оп. 1. Д. 403. Л. 14; Д. 768. Л. 37]. Многие участвовали в организованных экскурсиях, число которых росло значительно быстрее общего числа посетите-

Рис. 3. Пионеры на экскурсии по Псковскому краеведческому музею. Конец 1950-х гг.

лей музеев за этот же период, что указывает на растущее внимание к организованному, а не «дикому» туризму (см., например: [ВОКМ. Оп. 1. Д. 403. Л. 14; Д. 599. Л. 38; Д. 679. Л. 1–2]).

Более абстрактным следствием интенсификации деятельности местных музеев стало создание стандартизированного словаря, благодаря которому люди могли артикулировать свою оценку местной культуры и традиций. Так, некоторые комментарии, оставленные школьниками в книге отзывов Вологодского музея 1961 г., кажутся относительно искренними («Мы очень довольны музеем, но жаль, что нет пистолетов») [ВОКМ. Оп. 1. Д. 406. Л. 1 об.], в то время как другие демонстрируют напыщенный стиль и крученный язык современных на тот момент учебников, прославляющих национальное прошлое. Запись, оставленная учащимися 32-й вологодской школы, которая могла быть продиктована учителем, отражает избыточно стандартизированный лексикон и искусственную эйфорию, которую демонстрируют многие записи такого рода: «Музей — это храни[тель] культуры! Пройдя все залы музея, мы очень много узнали об истории Вологды, о передовиках производства, о сельских тружениках. Мы желаем дальнейших успехов в развитии музея!» [ВОКМ. Оп. 1. Д. 406. Л. 4]. Стандартизированный характер жанра подобных записей, демонстрируя со всей очевидностью умение управляться с советским официальным языком, позволяет также увидеть то, как авторы представляли себе дискурсивные контексты. Связь местной истории с зада-

чами социалистического строительства — промышленной производительностью и сельскохозяйственным трудом — явно считалась необходимым условием публичного комментария подобного рода и должна была демонстрироваться с привлечением определенного количества специальных знаний¹.

Возрождение краеведения в послесталинский период способствовало пробуждению более мощного исторического сознания у местных сообществ. В хрущевскую и брежневскую эпохи каждый городок, деревня, населенный пункт, школа, клуб и семья оказывались потенциальным объектом научного исследования, а каждый местный предмет — потенциальным музейным экспонатом, каждый фрагмент информации — возможным историческим фактом. В письмах, обращенных в Новгородский государственный музей в 1960 и 1961 гг., историки-любители региона интересуются историческими корнями своих поселений, биографиями местных военных героев, деталями освобождения Новгорода от немецких оккупантов, а также историей местных кладбищ [НГОМ. Оп. 1. Д. 398. Л. 28–30 об.; Д. 422. Л. 7–8, 13, 14–15, 33]. Музей давал детальные ответы на каждый запрос, используя свои архивы, поощряя усилия местного населения, даже когда эти разыскания принадлежали к области неисторических фантазий.

В ответ на вопрос школьников новгородской Яблоновской школы № 8 (1961) о том, чем может быть камень со странными знаками, которые, как считалось, могли указывать на местоклада, музей предложил следующий ответ:

Что касается рассказов о кладе и разбойниках, то это обычное явление — о всех загадочных местах и непонятных предметах в народе всегда создавались подобные легенды. Однако эти легенды также следует записать, потому что в этих легендах можно получить другие сведения, чем те, о которых они говорят [НГОМ. Оп. 1. Д. 422. Л. 38–39].

Этот текст, объясняющий различия между *реальным* историческим исследованием и простой фантазией, указывает на важное следствие политики государства, поощрявшей исторические исследования на местном уровне. По мере того как люди узнавали все больше и больше об историческом контексте своих регионов, они все больше склонялись к тому, чтобы высказывать сомнения по поводу принятых исторических нарративов и осторожно бросать вызов государственной власти в связи с оценкой прошлого. Реликвии ушедших эпох становились предметом политических переговоров по мере того, как мест-

¹ О публичном комментарии в Советской России и о возможности использовать такие документы в качестве исторического источника см.: [Dobson 2008: 57–73].

ные сообщества, вооруженные знаниями о локальной истории, пытались высказывать собственное мнение о том, как следует подавать прошлое в рамках культурных институций¹. Эту напряженность можно также заметить во взаимоотношениях между чиновниками, занимавшимися сферой культуры на местном и общенациональном уровнях, когда испытывалась на прочность риторическая приверженность идее национального единства в ситуации культурного многообразия².

В некоторых случаях идеологический подтекст музейных выставок не воспринимался или игнорировался, в особенности посетителями из промышленных городов русского Востока и других республик, которые истолковывали выставленные предметы как свидетельства национального гения, а не воплощение социалистических идеалов. Житель плотно застроенного и густо населенного Челябинска так выразил свой патриотический энтузиазм по поводу выставки кружев, проходившей в Вологде в 1977 г.: «Спасибо за радушный прием в этом удивительном царстве кружев. Ваши кружева — прекрасны. Они русские! Огромное спасибо организаторам выставки за предоставленное удовольствие!» [ВОКМ. Оп. 1. Д. 863. Л. 19 об.]. Русские из Баку также высказали свою радость по поводу сохранения русской культуры, посмотрев выставку «Русский самовар» в Вологде в 1975 г.: «Мы, жители города Баку, с большим интересом посмотрели выставку “Русский самовар”. Большое спасибо за организацию русской старины. Большое спасибо за то, что не забывается русская история, быт русских людей. Нам, русским, живущим на Кавказе, это особенно отраднo» [ВОКМ. Оп. 1. Д. 826. Л. 29]. Наибольший резонанс эти выставки получали у русских, которые считали себя отчужденными от воображаемой родины и ощущали культурный дефицит в индустриальных центрах и на этнически чужих территориях.

В то же время выставки местных традиций получали высокие оценки за их вклад в национальную культуру и в записях, оставленных русскими посетителями из исторического сердца страны. Инженер из Перми, города со средневековой историей, оценил вологодские кружева как ремесло, вдохновленное русским ландшафтом: «Создать такую красоту! Нужно знать всю красоту природы, чтобы вплести ее руками Вологодских

¹ Например, в письме, опубликованном в 1967 г. в «Новгородской правде», читатель сомневался в разумности официальной позиции по поводу сохранения исторических зданий Новгорода [Меломедов 1967: 4]; см. в связи с данной проблемой о том, что «исторический поворот» позднесоветской культуры стал вызовом социальной сплоченности: [Kozlov 2001: 577–600].

² Частым источником конфликта между госведомствами, занимавшимися культурой в центре и в Северо-Западном регионе, являлся вопрос о собственности на местные иконы, целый ряд которых — к неудовольствию местных чиновников, руководивших культурой, — был увезен в Ленинград и Москву на реставрацию и не был возвращен [ГАПО. Ф. Р-1855. Оп. 1. Д. 157. Л. 23].

Рис. 4. Экспонат с вологодской выставки «Русский самовар». 1975 г.

кружевниц. Это огромный дар наших русских женщин» [ВОКМ. Оп. 1. Д. 826. Л. 19 об.]. Турист из другого исторического города, Владивостока, панегирически отозвался о памятниках Новгородского государственного музея: «Спасибо, Русь Великая, что ты нам оставила такое наследство. Спасибо вам, русские люди Новгорода, что Вы сохранили это. Обрел полное душевное равновесие, глядя на все это истинное русское — Наше» [НГОМ. Оп. 2. Д. 611. Л. 29 об.]. Подобные комментарии указывают на общесоветское представления о том, что города Северо-Запада воплощают сущность русской культуры, даже если эта мысль и высказывается в отчетливо более националистической тональности, чем обычно позволял консервативный дискурс советского патриотизма.

Можно строить предположения, указывает ли разница между «внутренней» и «внешней» интерпретациями музейных выставок на более глубокое различие в том, как концептуализировалась местная идентичность на народном уровне и общенациональном. Местные сообщества были вовлечены не только в потребление советской патриотической культуры, но и в ее экспонирование друг другу, а также посторонним в разных сферах и разных форматах. От школьников, студентов, рабочих, не говоря уже о тех, кто напрямую работал в сфере культуры и туризма, требовалось впитывать и воспроизводить идеологическую субстанцию местной культурной работы. Как следствие, они гораздо лучше умели разрешать логические противоречия и дискурсивные двусмысленности, чем относительно неопытные посетители городков из других российских регионов. Почти ничего не говоря о том, насколько местные сообщества на самом деле были привержены приоритетам строительства социализма, данная ситуация тем не менее от-

ражала более высокую степень владения дискурсом, т.е. способность воспроизводить «официальный сценарий» в необходимых публичных пространствах на региональном уровне.

Патриотическая культура в центре и на периферии

Каким же образом описанные выше тенденции помогают нам понять «русское возрождение» послесталинского периода? Насколько упрочение местной идентичности в это время отражает рост национального сознания в стране в целом? Многие исследователи указывают на подъем национального сознания в эпоху, наступившую после 1953 г., отмечая, в частности, существование культурно консервативной национальной интеллигенции, центрами притяжения которой был целый ряд значительных советских литературных журналов, а также сфер полуполитической деятельности (ср.: [Brudny 1998; Dunlop 1983; Hosking 2006; Kozlov 2001: 577–600; Митрохин 2003]). Роль партии в этом «русском возрождении» истолковывается по-разному, одновременно как инстанции, разрешившей во имя политической стабильности ограниченный культурный национализм [Brudny 1998], и как центра солидной и преданной своим идеям националистической «русской партии», которая должна была утвердить первенство русской культуры в советском контексте [Митрохин 2003].

Однако трудно определить, какой вид эти тенденции принимали на региональном уровне. С одной стороны, мы видим процесс «локализации», в особенности в историческом центре страны, где опыт войны и проблемы послевоенного восстановления стали фокусом местной патриотической памяти [Келли 2009; Maddox 2008]. Всероссийское общество охраны памятников, основанное решением Совета министров РСФСР в 1965 г., играло в этом отношении важную роль, популяризируя представления о культурном наследии и институционализируя язык охраны культуры на местном уровне [Brudny 1998: 68–69]. С другой стороны, возросшая роль региональных руководителей, чья власть была усилена благодаря реорганизации политической структуры в хрущевскую эпоху, подчеркивалась как важный фактор подъема советских регионов [Lovell 2010: 191–192; Хлевнюк 2007]. Как отмечает историк, региональный первый секретарь должен был в известной степени играть роль «вице-короля на своей территории», хотя его политическое долголетие все еще зависело от того, насколько ему удалось получить одобрение центральной власти [Lovell 2010: 191–192].

Тем не менее ошибкой было бы считать патриотический поворот в региональной культуре свидетельством роста национали-

стических чувств в целом по стране. Целый ряд покровителей местной культуры существовал в регионах, однако эти люди не играли видной роли и не обладали политическим влиянием интеллектуалов, находившихся в передних рядах национального возрождения в Ленинграде и Москве. Несмотря на то что Новгород, пользовавшийся покровительством видных ученых (среди прочих литературоведа Дмитрия Лихачева и историка Владимира Янина), следует рассматривать как особый случай в этом отношении, местные власти в целом были менее терпимы к критике современности, исходившей от представителей местных элит¹. Более того, существование покровителей местной культуры и истории внутри местных администраций менее очевидно в регионах, чем в политических центрах страны. Результатом усилий Хрущева по возвращению лояльной региональной элиты, чьи политические приоритеты совпадали бы с его собственными, стало увеличение числа местных руководителей, которые больше занимались городской модернизацией и достижением социального равенства, чем охраной местного культурного наследия [Lovell 2010: 191].

Как я отмечала выше, «омассовление» краеведения в послесталинскую эпоху было государственной стратегией, нацеленной на усиление легитимности советского режима в эпоху идеологической реструктуризации. Местным сообществам были предложены представления о региональной жизни, истории и традициях, что являлось попыткой укрепить коллективную идентичность и заставить их осознать собственную роль винтика в гигантском механизме советского государства. Объекты, экспонировавшиеся на выставках, посвященных местной жизни, — от традиционных кружев до заводских машин — вписывались в телеологический исторический нарратив, при этом подчеркивалась их значимость для идеалов и ценностей социализма, даже если она была в лучшем случае призрачной. Тем не менее музейщики не всегда могли проконтролировать механизмы сигнификации, в которые встраивались экспонаты на этих выставках и которые у некоторых посетителей пробуждали чувства местного партикуляризма и русского национализма, а отнюдь не ощущение родства с задачами строительства социализма.

Одним из основных противоречий краеведческого возрождения было противоречие между одобрительным отношением

¹ Судьба уроженца Пскова, реставратора и историка архитектуры Юрия Спегальского прекрасно иллюстрирует эту ситуацию. Горячий местный патриот и искренний критик недостатков советского городского планирования, Спегальский потерял свой пост в инспекции по охране памятников в 1937 г.; ему было позволено вернуться в родной город и работать там главным архитектором лишь тридцатью годами позже, в 1968 г. [Кузьменко 2001].

к консервативной ретроспективности и нетерпимостью к русскому национализму, иными словами — между политическим популизмом и идеологической жесткостью. Дискурсивное взаимоналожение этих двух тенденций, которое в разные эпохи постсталинской истории становилось то больше, то меньше, создавало пространство двойственной интенциональности, в котором границы возможного высказывания оказывались шаткими и нестабильными. Ловкость, с которой человек управлялся с этим пространством, зависела от его знания правил, по которым оно строится, владения языком официального патриотизма и способности к самоцензуре. Лишь немногие бегло владели риторикой советского патриотизма, но многие обитатели периферии демонстрировали рудиментарное понимание выразительных и языковых требований жанра.

Взгляд на «русское возрождение» «снизу» придает важное измерение нашему пониманию политических изменений в позднесоветскую эпоху. Результатом популяризации локальной памяти, насаждавшейся из центра и нацеленной на укрепление советского режима, в период, наступивший после 1953 г., стало тем не менее укрепление в регионах местной идентичности и ощущения культурной специфичности. Официальные попытки государственных институций стимулировать местный патриотизм с помощью празднования местных годовщин стали частью живого опыта советской жизни, укрепляя границы сообщества через акты коллективного исполнения и культурного потребления. В эпоху перестройки и в постсоветский период, когда центральные властные структуры стали играть меньшую роль, последствия этого процесса стали более очевидными. Опираясь на символический словарь местного патриотизма, созданный в позднесоветские годы, региональные элиты оказались в состоянии использовать чувство местного своеобразия, что стимулировало процессы политической и культурной регионализации, значительно отклоняющиеся от представлений о «единой России».

Список сокращений

ВОКМ — Вологодский областной краеведческий архив

ГАВО — Государственный архив Вологодской области

ГАНО — Государственный архив Новгородской области

ГАПО — Государственный архив Псковской области

НГОМ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник

Библиография

- Абашин С.* Парадоксы советской традиции: комсомольская свадьба в Средней Азии. Неопубликованный доклад, прочитанный на конференции «Советские традиции: становление и трансформации». ЕУСПб., 18–19 фев. 2011 г.
- Бочаров Г., Выгоднов В.* Вологда, Кириллов, Ферапонтово, Белозерск. М.: Искусство, 1969.
- Богданов К.* Советское шампанское: праздничная история // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 367–378.
- Голузов А.* В музей пришли рабочие // Псковская правда. 1961, 6 фев.
- Келли К.* Исправлять ли историю? Споры об охране памятников в Ленинграде 1962–1990 // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). <<http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/kk7.html>>.
- Кузьменко М.А.* О верхолазных работах Ю.П. Спегальского в Ленинграде. <<http://www.alpkclubspb.ru/0906tvs/text09060372.htm>>.
- Лихачев Д.С.* Памятники культуры — всенародное достояние // История СССР. 1961. № 3. С. 3–12.
- Меломедов Г.* О городе моем родном // Новгородская правда. 1967, 6 янв.
- Мельникова Е.* Маленький город и его лицо: институционализация краеведения в СССР во второй половине XX в. Неопубликованный доклад, представленный на семинаре в ЕУСПб 8 июня 2011 г.
- Митрохин Н.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- Солоухин В.* Черные доски // Солоухин В. Славянская тетрадь. М.: Советская Россия, 1972.
- Хлевнюк О.* Региональная власть в СССР в 1953 — конце 1950-х годов // Отечественная история. 2007. № 3. С. 31–50.
- Щепанская Т.* Ответы на вопросы «“Форума” о форуме (или О состоянии дискуссионного поля науки)» // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 161–168.
- Юньев И.С.* Краеведение и туризм. М.: Знание, 1974.
- Brdny Y.M.* Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 1988.
- Dobson M.* Letters // M. Dobson, B. Ziemann (eds.). Reading Primary Sources of Texts from Nineteenth and Twentieth Century History. L.: Routledge, 2008. P. 57–73.
- Dunlop J.B.* The Faces of Contemporary Russian Nationalism. Princeton: Princeton University Press, 1983.
- Hosking G.* Rulers and Victims: The Russians in the Soviet Union. Cambridge, MA; L.: Belknap Press of University of Harvard Press, 2006.
- Johnson E.D.* How St Petersburg Learned to Study Itself: The Russian Idea of Kraevedenie. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 2006.

- Kozlov D.* The Historical Turn in Late Soviet Culture: Retrospectivism, Factography, Doubt, 1953–1991 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Summer 2001. No. 2, 3. P. 577–600.
- Lovell S.* *The Shadow of War: Russia and the USSR, 1941 — present*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
- Maddox S.* *Healing the Wounds: Commemorations, Myths, and the Restoration of Leningrad's Imperial Heritage, 1941–1950*. Unpublished doctoral thesis. University of Toronto, 2008.
- Smith S.* *The Creation of the Vladimir-Suzdal Museum-Reserve: Preservation for a National Audience*. Unpublished conference paper presented at the Annual Convention for the American Association for the Advancement of Slavic Studies Annual Conference. Los Angeles, California, 18–21 November 2010.
- Widdis E.* *Visions of a New Land: Soviet Film from the Revolution to the Second World War*. New Haven: Yale University Press, 2003.

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума